

МУЗЫКА В ЖИЗНИ НИКОЛАЯ ОСТРОВСКОГО

Интересные страницы биографии писателя-революционера Николая Островского связаны с музыкальным искусством. Человек широкого идейного кругозора, он вникал в различные области общественной, политической, культурной жизни. Его художественно одаренная натура тяготела к искусству, его увлекала музыка.

С детских лет запали в память Николая Алексеевича душевные, веселые и звонкие украинские песни, переливчатые голоса народных инструментов. Поэтические настроения, навеянные музыкой детства, он пронес через всю свою жизнь, запечатлев их в своих литературных произведениях.

В юности Островский играл на гитаре, на гармонии, пел. Все, что взяла тогда на вооружение комсомольца — революционные «Смело, товарищи, в ногу», «Варшавянка», «Слезам залит мир безбрежный», первые песни советских авторов, — звучало и на фронтах гражданской войны, и на первых стройках пятилетки, и на демонстрациях, комсомольских собраниях, товарищеских встречах молодежи. Владея прекрасным голосом и отличным музыкальным слухом и

памятью, Николай Островский был одним из запевал среди своих сверстников — соратников по работе, верных боевых друзей. Песня никогда не оставляла его.

С годами обогащался и углублялся духовный мир писателя, ширился круг его художественных интересов, многообразнее, требовательнее и тоньше становились музыкальные вкусы. Болезнь приковала его к постели, но жизнь была ключом: он упорно учился, работал, старался как можно больше и глубже познать. С увлечением слушал он музыку, особенно классическую — русскую, зарубежную. Симфонические произведения, оперные, романсы великих композиторов — вот круг его музыкальных запросов.

Часто в его доме бывали музыканты, проводились домашние концерты. У него выступали певцы Соломон Хромченко, Павел Лисициан, Вера Духовская, скрипач Н. Латинский. Постоянно бывала здесь и учащая молодежь, которая с радостью устраивала для любимого писателя музыкальные вечера. Так, в последний приезд Островского из Сочи в столицу в его московской квартире звучали оперные произведения — арии из «Кня-

зя Игоря», «Евгения Онегина», «Пиковой дамы», «Кармен», «Снегурочки».

Яркие воспоминания о домашних концертах в доме Островского сохранил певец С. Хромченко. Как он признавался, его всегда волновали встречи с писателем, в лице которого он находил интересного слушателя и собеседника. Большая пылкость Островского, его умение тонко анализировать музыкальное произведение были поразительны. «В русских романах и песнях, — рассказывал Соломон Маркович, — Николай Алексеевич особенно ценил органичность сочетания слов и музыки. Его пленяло то совершенство, с которым Глинка, Чайковский, Даргомыжский, Рахманинов передают поэзию Пушкина, Лермонтова. Островский подчеркивал, что музыка помогает глубже раскрыть содержание стихотворения. Глинка, Чайковский, Римский-Корсаков, Рахманинов, Бетховен, Лист, Шопен, Григ — их сочинения доставляли истинную радость Островскому.

«Знаешь, почему я так люблю музыку?», — сказал он однажды пианисту, исполнившему «Времена года» Чайковского. — Я видел в жизни много крови и страданий. Расти при-

шлось в тяжелое время. Мы не щадили врагов, но не берегли и себя. Сейчас я писатель. Мне приходится описывать жизнь. Сцены гражданской войны очень свежи в моей памяти, как и чувство ненависти к врагу. И вот Чайковский открывает в моей душе такие интимные чувства, вызывает во мне такие нежные мысли, о существовании которых я раньше и не подозревал».

И характерно, музыку он воспринимал творчески, сопоставляя услышанное со своей писательской деятельностью. Так, познакомившись в исполнении Квартета имени Вильома с Третьим струнным квинтетом Чайковского, глубоко взволновавшим его, Николай Алексеевич воскликнул: «Я бы хотел добиться такого же стремительного развития мысли в новых главах своей книги» («Рожденные бурей». — Г. К.).

Николай Алексеевич неоднократно утверждал, что музыка помогала ему в литературном труде. В статье «Моя работа над повестью «Как закалялась сталь» он писал: «Мне особенно представляются картины, вызываемые в моем воображении, когда я слушаю... музыку». Она переплав-

лялась его творческой фантазией в литературные образы, картины. Александра Петровна Лазарева, личный секретарь Николая Алексеевича, в своих воспоминаниях об Островском рассказывала, что, слушая, например, Девятую симфонию Бетховена, он содал сцену возвращения в семью Сигизмунда Раевского (в романе «Рожденные бурей»).

«Великое дело — музыка, — говорил Островский. — Как прост и доступен ее язык для выражения больших человеческих чувств. Радостно, что теперь музыка является достоянием не кучки богачей, а принадлежит всему народу». Зато «музыкальную безделицу», как выражался писатель, он отвергал, говоря, что она ничего не дает ни уму, ни сердцу. Совершенно нетерпимо относился Николай Алексеевич к пошлой музыке, рассчитанной на нездоровый, извращенный вкус, с присущей ему страстностью и непримиримостью обрушиваясь на все антихудожественное в музыке.

Это со всей определенностью высказал Островский устами своего героя в романе «Как закалялась сталь». Вспомните, как описан эпизод, когда

Павел Корчагин услышал в саду санатория выступление эстрадной певицы, исполнявшей романс «Пылала ночь восторгом сладострастия», а вслед за ней на сцену выскочила пара и под восхищенный гул нэпманов, стоявших за креслами и стульями больных, стала вытанцовывать «вихлястый» фокстрот. «Отвратительней картины, — читаем мы, — нельзя было себе представить. Павел повернулся было, чтобы уйти, как вдруг в переднем ряду, у самой эстрады, кто-то поднялся и яростно крикнул: «Довольно! К черту!».

Так высказал писатель решительное неприятие подобного рода «искусства», ибо главным критерием в оценке им музыкальных произведений была глубина содержания и эмоциональная насыщенность, выразительность речи. Он считал, что высокое назначение музыки — будить мысль, рождать чистые, благородные чувства, возбуждать и утверждать добро, красоту, звать к борьбе за лучшие, светлые идеалы человечества.

Г. КРАСНОВСКАЯ,
литературовед, старший
научный сотрудник.

Сов. культура 2. Москва
5 ноя. 1974